

ДАЛИ
ИСКУССТВА

ПАМЯТНЫЕ
ДАТЫ

БЕСПОКОЙНЫЙ СОВРЕМЕННИК

Рафаэль Санцио ди Урбино умер 6 апреля 1520 года в день своего рождения, прожив день в день 37 лет. Над гробом в мастерской стояло его «Преображение», и провожавшие Рафаэля в последнюю дорогу товарищи и ученики видели в этом невольную, но значительную и верную метафору.

Его жизнь можно было назвать прямой и легкой, как стрела. Единственный ребенок в семье, он был вскормлен собственным молоком матери. Теперь этот оборот не очень понятен. Дело в том, что семья Рафаэля, близкая к урбинским герцогам, предполагала обязательную кормилицу и если нарушила традицию, то в знак необычайной бережности к младенцу. Отец, поэт и художник, уже этим небрежением традиций давал понять, что возлагает на мальчика большие надежды. Он сам давал ему первые уроки, потом отдал в мастерскую лучшего урбинского живописца, спокойного мелодиста, изысканного и уравновешенного Перуджино.

В восемь лет мальчик потерял мать, в одиннадцать — отца, но дорога его уже была исчислена. Вся дальнейшая судьба — это уже холсты, это «трудова книжка» гения.

Он был воспитанным человеком, и частная его жизнь была скрыта им от любопытных потомков деликатно и последовательно.

Мы и не будем преступать его запретов и доискиваться биографических подробностей, проследивать в его работах влияния Перуджино и фра Бартоломео, Леонардо и Микеланджело или всматриваться, как прозрачность умбрийцев сменяется богатством и движением флорентийцев. Это сделано целыми поколениями великих искусствоведов и жизнеописателей от Вазари до Вельфлина и плохо помещается в газетную статью. Вместо этих почтительных компиляций поглядим свое, родное.

В Россию Рафаэль шел не торопясь, и только лет через двести русские храмы от Петербурга до Хабаровска стали украшаться вместо богородиц мадоннами. Но и тогда робости наши живописцы не ведали, авторитетов не стеснялись, и, например, крепостной графа Воронцова Трофим Федорович Дурнов вполне уверенно мог ответить на вопрос о Рафаэле, что «Рафаэль, конечно, хороший художник, иной раз напишет хоть бы и нашему брату».

Рафаэль был на первых по-

рах старшим товарищем и хорошим образцом и принимался в России, как принимали хороших иконописных мастеров, можно было заимствовать целыми композициями и не считать себя копиистами. И только с укоренением личного начала, когда живописец перешел из церкви в дворцовые, а там и просто господские залы, равновесие в отношениях нарушилось.

Пенсионеры петербургской Академии клялись именем Рафаэля непререкаемо и страстно. Они с жаром укрепляли друг в друге и последующих поколениях живописцев легенды, что композицию небольшой «Мадонны в кресле», вписанной в круг с безупречной свободой, Рафаэль набросал с прелестной крестьянки на тут же валявшемся днище бочки, а его «Несение креста», которое везли морем в Палермо, волны принесли к берегу невредимым после того, как корабль погиб. Любовь говорит легендами и не ищет проверки, она бескорыстна и неразрывна.

Когда в 1845 году Николай I в Риме указывал на Рафаэля бесцеремонным пальцем и требовал, чтобы Бруни, как освободится от работ в Исаакии, скопировал, русские живописцы охотно соглашались с тем, что деньги должны быть вложены именно в это, хотя между ними было много отличных талантов, а на окраине Рима вдали от Рафаэлевых «станц» уже высился в мастерской Александра Иванова холст, который был для России существование всех копий. Художникам было радостно согласиться с В. Ф. Одоевским, который по поводу маленькой Рафаэлевой «Мадонны» из эрмитажного собрания восхищенно писал, что она «вносит в душу ряд высоких неизъяснимых ощущений, она разверзает в самой глубине души мир... при взгляде на нее утихают пороки страсти, невольное благоговение как бы неистощимым пламенем облекает все чувства души, вы невольно чувствуете в сердце стремление к добру, в уме рождается ряд высоких мыслей, которые отвлекают вас от жизненной грязи, от мелочей жизни, от душевной земли, разверзает в душе новое, до того для вас непонятное небо».

Но тут же в недрах этого восхищения уже был готов родиться протест, который всегда как будто ходит в спутниках восторга. Русская литература не хотела уклоняться от разговора о «жизненной грязи», не желала отрываться от «душной земли», напротив того, она в «натуральной школе» словно стремилась потеснее прикинуть к ней.

РАФАЭЛЬ. Автопортрет. 1506.

Русская художественная культура была замешена на иных дрожжах, и великая форма, безупречное равновесие рафаэлевских холстов порою были недостаточны для нашего духа.

Неизбежным камнем преткновения должна была стать великая «Сикстинская мадонна», о которой написаны библиотеки книг. Именно к ней предъявлялся какой-то особенный, почти личный счет, что, вероятно, объясняется и тем, что это лучшее

«Сикстинская мадонна». 1513—1514. Фрагмент.

создание Рафаэля, и ее сюжетом, так близко отзвучным нашему самосознанию. Еще в 1837 году Н. В. Станкевич писал из Дрездена своему другу Я. М. Неверову после свидания с «Сикстинской»: «...сердце упало у меня — я почувствовал, что эта картина не для меня существует. Как мытарь, я был готов бить себя в грудь, поднимая бессмысленные глаза на эту святыню».

Спор о Рафаэле был острым, порою нестерпимо. Его отзвук найдем в едкой фразе Достоевского, страстно любившего великого итальянца: «Немец, показывая крокодила, вносит цивилизующее начало и несравненно полезнее Рафаэля».

Столетие до конца будет обсуждать Рафаэля, словно художник жив и остро современен, и это дорожке и в некотором смысле благодарнее равнодушного восхищения. «Сикстинская» была великим примером архитектурных и благородства решения всех художественных задач разом, но русская мысль упорно спрашивала с картины другого

К 500-летию со дня рождения Рафаэля

— как чиновник Тяпочкин из рассказа Г. Успенского «Выпрямилась», который в зале Лувра у Венеры Милосской, прозревая и выпрямляясь душой, думает, какого он теперь перцу задаст волостному старшине, русская литература и философия культуры искали в Рафаэле живую силу для разрешения сиюминутных своих бед и духовных исканий.

И от этого, а не от эстетической глухоты утонченнейший А. Майков при случае обронит: «Это напоминает мне, как я в молодые годы первый раз попал за границу и в Дрездене пошел смотреть «Сикстинскую мадонну». И что же? Она не произвела на меня никакого особенного впечатления». От этого А. Н. Толстой, может быть, с излишней резкостью скажет В. Ф. Булгакову: «Не знаю, за что так любят «Сикстинскую мадонну»? Ничего хорошего в ней нет. Я, помню, тоже когда-то восхищался ею, но только потому, что восхищались Тургенев, Боткин...»

А, однако, кто знает его яснополянский кабинет, сразу вспомнит, что фрагменты «Сик-

нича «Волжского вестника» уверял, что Репин и Крамской должны заменить для нас «устаревших» Рафаэля и Микеланджело. И это печалось и никто меня за это не высек. А не высек, очевидно, потому, что, как он добавляет, «это была не личная только глупость, а, так сказать, глупость эпохи».

Сам Крамской, которому надлежало «сменить» Рафаэля, глядел на дело шире и с глубокой благодарностью писал о «Сикстинской»: «...Мадонна Рафаэля действительно — произведение великое и действительно вечное, даже и тогда, когда человечество перестанет верить, когда научные изыскания... откроют действительные исторические черты обих этих лиц. И тогда эта картина не потеряет цены, а только изменится ее роль». До этого было еще далеко, и «Мадонну» еще не раз обвинят в расслабляющем влиянии, и в «Кассеевой цепи» М. М. Пришвина мелькнет эпизод, где молодой русский революционер предложит однажды вырезать картину в галерею да уничтожить, чтобы она не мешала поступательному развитию идеи общего освобождения...

И вот при всей этой решительности в обращении со славою автора «Сикстинской мадонны» именно у нас Рафаэля принимали к сердцу с близостью родного по духу, и когда пришла самая трудная историческая пора, то «Сикстинская», проскитавшая по немецким подвалам, вагонам, баракам, сырым подвалам с 1938 по 1945 год, была спасена именно русскими советскими людьми и возвращалась к мирной человеческой жизни в Москве.

Прасковья Тихоновна Корина рассказывала, что, когда машина с «Сикстинской» выехала во двор Музея изобразительных искусств имени Пушкина, сотрудники, волнуясь, уже ждали на улице и П. Д. Корин, возглавлявший группу лучших реставраторов, встал ей навстречу и обнажил голову.

И скоро вся Москва увидела, как, ступая по облакам, несет в мир своего сына великая мать, и тогда стало как-то отчетливо ясно, что лучшие картины живут под испытующим взглядом человечества, под его перекрестными, иногда решительными до неблагодарности вопросами простой и трудной, обыкновенной человеческой жизнью, будто сами медленно прозревают свое истинное назначение на земле, страдая и умудряясь опытом и испытаниями.

Вокруг «Сикстинской» за без малого пятьсот лет ее жизни было много разговоров. Предполагали, что мать написана с возлюбленной Рафаэля — Фортрины. Говорили, что «Христос хорош, но не дитя» (Крамской), а Станкевич и вовсе выразился решительно, что он тут — «ложная идея». Но она, не опуская взгляда, шла и шла вперед сквозь эти пересуды и протягивала дитя для жертвы с такой печальной стойкостью и всецелой любовью, что понемногу разговоры о декламации, о формальной виртуозности, о недостатке сердечности в высокой классике стали утихать, и терпение и спокойное достоинство картины было вознаграждено теперь уже сильной, твердой и постоянной любовью всякого, кто имеет открытое доброе сердце и восприимчивую к красоте душу.

Рафаэлю, умершему 37-летним, исполнилось пятьсот лет (как уже не одну сотню лет длится жизнь других 37-летних светлых детей человеческого рода, часто поминаемых рядом с Рафаэлем, — Пушкина и Мочарта). Эта жизнь не всегда ровна, но всегда полна и целостна, и опять она учит нас старинной правде, что смерти нет.

Валентин КУРБАТОВ

Псков

Вдохновенному певцу России

В Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева состоялся вечер, посвященный 70-летию со дня рождения замечательного советского поэта и прозаика Александра Яковлевича Яшина. Председательствовал первый секретарь правления Московской писательской организации Ф. Кузнецов. С большой теплотой, взволнованно и сердечно вспоминали об Александре Яшине люди, хорошо знавшие и любившие его, — В. Солоухин, М. Дудин, С. Вилулов, В. Деметьев, А. Кондратович. Вечере приняли участие земляки поэта — литераторы Во-

логды. Выступили ответственный секретарь Вологодской писательской организации Б. Оботуров и В. Коротаев. Об увековечении памяти А. Яшина на его малой родине рассказал первый секретарь Никольского райкома партии А. Кузавов. О жизни и творчестве поэта говорили Д. Терещенко, А. Михайлов, В. Соронин, В. Устинов и А. Блинов. На вечере присутствовала вдова поэта — З. К. Яшина. Зал слушал голос Александра Яшина. Звучали его стихи и проза в исполнении артиста Малого театра А. Ключкина.

Е. МАРТЮШИНА